

Геннадий Бурбулис: Исторический тупик

20 лет назад, 8 декабря 1991 года в местечке Вискули в Беловежской пуще (Белоруссия) собрались руководители трёх славянских республик СССР — России, Украины и Белоруссии. Они подписали исторический документ — соглашение об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ), фактически положившее конец существованию Союза ССР. Спустя две с небольшим недели, 25 декабря, Михаил Горбачёв объявил о том, что слагает с себя полномочия президента СССР. Над Кремлем вместо красного советского стяга был поднят флаг России. В мировой истории началась новая, постсоветская эра. ПРОТИВ СОХРАНЕНИЯ СССР Геннадий Бурбулис в 1991-1992 годах был государственным секретарём России, первым заместителем председателя российского правительства, и вместе с президентом Борисом Ельциным он поставил свою подпись под тем историческим соглашением. Сегодня он говорит о Беловежском консенсусе как о важнейшем этапе в жизни страны, уроки которого полезно выучить новому поколению политиков. «АиФ»: - Геннадий Эдуардович, было ли то, что произошло 8 декабря в лесной глуши Беловежья, неподалёку от границы Белоруссии с Польшей, экспромтом? Или остановить процесс разрушения СССР к тому моменту было уже невозможно? Г.Б.: - На самом деле в декабре 1991 г. Советского Союза уже фактически не существовало. По инициативе Горбачёва ещё 5 сентября Нурсултан Назарбаев предложил Съезду народных депутатов СССР самороспуститься и создать переходные органы управления Союзом. И такое решение было принято. Более того, был подготовлен новый союзный договор, его подписание было намечено на 9 декабря. Эту дату выбрали специально, чтобы дожидаться итогов президентских выборов в Казахстане и референдума на Украине, которые проходили 1 декабря. Если до августовского путча Горбачёв отстаивал ошибочную формулу 9+1, где 9 - республики, а 1 - союзный центр, то к декабрю всё изменилось. В тексте договора о создании Союза Суверенных Государств (ССГ) как конфедеративного демократического добровольного объединения (этот текст был окончательно согласован в Ново-Огарёво 14 ноября), упоминаний об СССР уже не было. Да и ни один орган союзной власти к тому времени уже нормально не функционировал. Страна оказалась на пороге опаснейшего безвластия, и лучше всех об этом знал сам Горбачёв. Поэтому решение, принятое нами в Беловежье, было жизненно необходимым и вынужденным. Выбора у нас не было. «АиФ»: - Почему вы не дождались намеченной даты подписания союзного договора - 9 декабря, а собрались на день раньше и «сообразили на троих»? Г.Б.: - Леонид Кравчук с первой же минуты нашей встречи в Беловежской пуще сказал о том, что мандат украинского народа, который он получил на выборах и на референдуме, запрещает ему обсуждать какие-либо варианты нового союзного договора: Украина объявила себя суверенным независимым государством. Для нас такая категорическая позиция стала неожиданностью. Целые сутки мы пытались убедить Кравчука, что народы России, Украины и Белоруссии не могут просто разъехаться в никуда. Это было на тот момент немыслимо. И после непростых бесед, размышлений, осознания того, что распадается уникальная империя, начиненная ядерным оружием — по-моему, именно Кравчук и предложил эту компромиссную форму — Содружество Независимых Государств. В ней просматривалась не только удачная аналогия с Британским Содружеством. Содружество — значит дружба народов. Но при этом — независимых, самостоятельных, что всем сторонам было важно подчеркнуть... Замечу, что между тремя участниками соглашения на тот момент уже существовали двусторонние договоры о сотрудничестве. Был задел, опыт взаимопонимания. Кстати, в Беловежскую пущу должен был прилететь и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. По пути он остановился в Москве, заехал к Горбачёву. И они начали общаться. Нам Назарбаев слал послания: мол, он дозаправляется, скоро вылетает... Однако так и не прилетел. Но когда выяснилось, что убедить Кравчука вернуться в новоогаревский процесс невозможно, а предпринимать что-то надо, стало понятно, что Назарбаев правильно сделал, что не прилетел. Он создал безупречную легитимность нашему трехстороннему решению, потому что именно Россия, Украина и Беларусь были учредителями Советского союза в декабре 1922 года. И это фундаментальное правовое историческое обстоятельство: только те, кто создал новое государство, могут его и распустить. «АиФ»: - Не нарушило ли это решение Конституцию СССР? Г.Б.: - Нет. В Конституции было записано право любой республики в любое время выйти из состава СССР. И шесть из них к тому моменту уже покинули Союз — прибалтийские республики, Грузия, Армения, Молдавия. Беловежский консенсус стал закономерным итогом событий, происходивших на протяжении 1991 года. Это был многоуровневый процесс, подготовленный длительной работой по реформированию Советского Союза. Первая попытка такой реформы — подписать новый союзный договор 20 августа - была сорвана по вине ГКЧП. Вторая попытка намечалась на 9 декабря, но тоже не состоялась... Иногда нас обвиняют в произвольном разрушении Союза. Ничего подобного! Было принято ответственное, вынужденное, своевременное решение, полностью сохраняющее логику сложнейшей работы по трансформации советской тоталитарной системы в новую, жизнеспособную конструкцию. Беловежский консенсус выражался в том, что мы были безусловно легитимны. Соглашение, заключенное Россией, Украиной и Белоруссией, одобрили парламенты всех трёх республик. Это соглашение полностью отвечало нормам международного права, оно было передано в ООН. 12 декабря по инициативе Ниязова в Ашхабаде собрались представители 8 других республик СССР и решили

поддержать СНГ в качестве соучредителей 21 декабря в Алма-Ате была подписана Декларация, без единой поправки к базовому тексту Беловежского соглашения. «АиФ»: - 17 марта 1991 года в СССР прошёл референдум, на котором большинство граждан сказали «да» сохранению обновленного Союза. Получается, что вы проигнорировали волю народа? Г.Б.: - Во-первых, в референдуме 17 марта не участвовало 6 республик бывшего Союза: Прибалтика, Грузия, Армения и Молдова. Украина и Белоруссия утвердили свой вариант вопроса, сделав акцент на приоритете суверенитета и независимости своих стран при сохранении обновленного Союза. Россия полностью соблюдала все обязательства, которые вытекали из итогов референдума. Мы активно участвовали в подготовке нового союзного договора. Мы никоим образом не собирались игнорировать волю народа. Но решение о создании СНГ стало последней возможностью дать конструктивный ответ на итоги референдума. И оно полностью отвечало интересам и чаяниям народов. «АиФ»: - Что выиграла Россия, став самостоятельной? Г.Б.: - Надо иметь в виду, что советская система управления экономикой в 1991 году была полным банкротом. И перед Борисом Ельциным стояла задача: чем кормить людей, как подготовиться к отопительному сезону. Мало кто знает, что российское правительство реально могло управлять на территории России только 7% экономики. Всё остальное находилось в ведении союзного правительства, которое фактически уже ничем управлять не могло. 15 июня 1991 года премьер-министр СССР Павлов потребовал чрезвычайных полномочий, констатируя, что запасы жизненно необходимых ресурсов и финансовая база истощены, страна не может платить по своим займам и налицо коллапс экономической деятельности... Как первый заместитель Бориса Николаевича по правительству я тогда имел право подписи на специальных документах. Помню, как еженежно мне на визу приносили документы о выемке последних запасов муки, дизельного топлива, специализированных марок металла... Мы решали вопросы выживания в условиях угрозы голода и полного краха хозяйственной жизни в стране. Мы взяли всю ответственность на себя. Предложили программу реформ, которую поддержал 5 съезд народных депутатов 29 октября 1991 г. Он наделил Ельцина полномочиями главы правительства и санкционировал проведение неотложных реформ. Без них мы двигались к реальной беде... В августе 1991 года состоялся «политический чернобыль» советской империи, её тоталитарный «реактор» был взорван. После ГКЧП правительства СССР по сути уже не было: премьер Павлов и ключевые министры были арестованы... Мы вынуждены были взять ответственность на себя и разрабатывать способы разрешения чрезвычайной по масштабу вызовов и угроз ситуации. Это была не борьба за власть, не вытеснение одной элитой другой. Не спекуляция на народных трудностях, не злоупотребление народным доверием. А именно жизненная необходимость решать насущные проблемы. Делать то, что нельзя было не делать... «АиФ»: - Сегодняшние попытки «склеить разбитую чашку», активная интеграция на постсоветском пространстве – Союз России и Белоруссии, ШОС и ЕврАзЭС, Таможенный, а теперь и Евразийский союзы – не признание ли это ошибки, которая была совершена в 1991 году? Г.Б.: - Беловежские соглашения часто называют цивилизованным разводом советских республик. Я бы сказал иначе: это была цивилизованная форма выхода из исторического тупика. Нам удалось предотвратить кровавую гражданскую войну за передел советского наследства по югославскому образцу. А последние решения по интеграции между Россией, Белоруссией и Казахстаном я приветствую. Они наделили и полностью отвечают духу Беловежского соглашения. Я только опасаюсь, что эти правильные шаги могут в какой-то момент создать новую структуру, задачей которой будет противостояние некоему внешнему противнику. Такой вектор неконструктивен. Да, конкуренция в мире обостряется, но наша задача - создавать новое полноценное геополитическое пространство во имя сотрудничества, а не конфронтации. Не надо воспроизводить риторику холодной войны – это опасный имперский синдром. Кстати, завершение холодной войны и распад тоталитарной империи стало едва ли не главным уроком Беловежского консенсуса. «АиФ»: - А о каких ещё уроках событий декабря 1991 года можно говорить? Г.Б.: - Я думаю, это консенсусное понимание и решение государственных проблем. Не бывает нерешаемых проблем, бывает неправильное их понимание и неправильный выбор методов и средств их решения. Только на основе консолидации всех дееспособных сил, на основе национального согласия мы можем справиться с теми вызовами, которые стоят перед нами. Нам нужно научиться опыт беловежского консенсуса трансформировать в конституционный консенсус для России на ближайшие годы и десятилетия. Российская Конституция – это то, что нас объединяет. Но она не содержит в себе ни намёка на вертикаль власти как метод управления, на преобладание одной политической силы над всеми другими, на монополию государственной собственности и подавление всех других форм собственности. «АиФ»: - Положа руку на сердце, не сожалеете ли Вы о том, что в декабре 1991-го поставили свою подпись под «смертным приговором» великой державе? Г.Б.: - Я всегда воспринимал гибель СССР как личную трагедию. Можно ли было себе представить, что Геннадий Бурбулис, внук литовских эмигрантов, вместе с президентом России от имени 150 млн россиян подпишет документ, изменивший мировую историю? Для нормального человека потеря Родины – это всегда беда. И никто никогда не может ликовать и радоваться по этому поводу... Но если учесть, что та моя Родина, СССР, была уникальной империей, невиданным в истории тоталитарным государством, репрессировавшим собственный народ, пытавшимся осчастливить людей путем насилия, закрепощения миллионов крестьян и эксплуатации рабского труда миллионов узников ГУЛАГа, – то приходится признать, что распад

такого государства был всё же оптимистической трагедией. Это была правильное, закономерное и морально оправданное событие. И чем дальше мы уходим от испытаний начала 90-х годов, тем больше людей забывает всё плохое и тяжелое, что с ними связано и дорожит тем, что дало им тогда надежду на лучшее. ЗА СОХРАНЕНИЕ СССР Александр Проханов, писатель:

- СССР разрушали сознательно в ходе спецоперации под названием «Перестройка». Почти 4 года «подпиливали» все опоры государства - идеологию, культуру, экономику. Вынули государствообразующую силу - КПСС, затоптав её в грязь. И венец всему - беловежский сговор... Читать статью А. Проханова полностью » Беседовал Виталий Цепляев